

Алексей Феофилактович Писемский

Батька

Алексей Феофилактович Писемский

Батенька

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661285

*А.Ф.Писемский. Собр. соч. в 9 томах. Том 2: Издательство «Правда»,
биб-ка «Огонек»; М.: 1959*

Аннотация

«Я как теперь вижу перед собой нашу голубую деревенскую гостиную. На среднем столе горят две свечи. На одном конце его сидит матушка, всегда немного чопорная, в накрахмаленном чепце и воротничках и с чулком в руке. Отворотясь от нее, сидит на другом конце покойный отец. Он, видимо, в дурном расположении духа и беспрестанно закидывает в сторону, на печку, свои серые навывкате глаза...»

Содержание

I	4
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Алексей Феофилактович

Писемский

Батька

Рассказ

I

Я как теперь вижу перед собой нашу голубую деревенскую гостиную. На среднем столе горят две свечи. На одном конце его сидит матушка, всегда немного чопорная, в накрахмаленном чепце и воротничках и с чулком в руке. Отвортаясь от нее, сидит на другом конце покойный отец. Он, видимо, в дурном расположении духа и беспрестанно закидывает в сторону, на печку, свои серые навывкате глаза. Я... мне всего лет двенадцать... забрался в углу на мягкое кресло и сижу погруженный в неведомые самому для меня мысли. Прямо против меня отворенная дверь в залу. Оттуда только и слышится, что ровное пощелкивание маятника стенных часов, и навевает на вас чем-то грустным и печальным. Вдруг раздался тихий скрип половиц. Не знаю, отчего у меня как-то болезненно замерло сердце. Это входил своей осторожной походкой наш самый богатый из всей вотчины фомкин-

ский мужик Михайло Евплов, старик самой почтенной наружности, всегда ходивший несколько брюхом вперед, с низко-низко опущенной пазухой, совсем уж седой, с густо нависшими бровями и с постоянно почти опущенными в землю глазами, всегда с расчесанной головой и бородой, всегда в чистом решменском кафтане и не в очень грязных сапогах. Даже руки у него были какие-то белые, нежные, покрытые только небольшими веснушками, точно он никогда никакой черной работы и не работал. Будучи верст на тридцать единственным мясным торговцем, Михайло Евплов вряд ли в околотке был не известнее, чем мой покойный отец, так что тот иногда в шутку говаривал своим знакомым:

«Честь имею рекомендоваться, я Михайла Евплова барин».

В нашем небогатом деревенском хозяйстве, сколько я теперь могу припомнить, Михайло был решительно благотельным гением: случалась ли надобность отдать в работники пьянчужку-недоимщика, Михайло Евплов брал его к себе и уж выжимал из него коку с соком, приходила ли нужда в деньгах, прямо брали их займы у Михайла Евплова, нужно ли было отправить рекрутство, подать ревизские сказки¹, Михайло Евплов ехал, хлопотал, исполнял все это аккуратнейшим образом, не получая себе за то никакого возмездия,

¹ Ревизские сказки – списки, составлявшиеся во время переписи (ревизии) лиц, подлежащих обложению подушной податью; в данном случае – списки крепостных мужского пола.

а, напротив того, платя чуть ли еще не в полтора раза более против других оброка. На этот раз вслед за ним» вошел сын его Тимка, совсем рабочий малый, лет двадцати двух, подслеповатый, нескладный, словно из какого-нибудь сучкового дерева сделанный, и с год перед тем только что женившийся. Батька, говорят, лет еще с десяти начал заставлять его бить скотину и теперь постоянно мормя-морил на работе. Войдя в комнату, Тимка прямо, не поднимая ни головы, ни глаз, как-то механически поклонился матушке в ноги. Та потупилась и повела только рукою, желая тем показать, чтобы он этого не делал. Тимофей перешел и поклонился отцу в ноги. Тот отвернулся от него и окончательно закинул глаза на потолок.

– Что, поучили? – спросил он несколько дрожащим голосом.

Тимофей ничего не отвечал, а молча отошел и встал несколько поодаль от батьки.

– Поучили, кажется, хорошо... Не знаю только, поймет ли то, – проговорил Михайло Евплов грустным тоном.

– Это за то тебе, – продолжал покойный батюшка (голос его не переставал дрожать), – за то, что не смей поднимать руки на отца. Не прав он, бог с него спросит, а не ты...

Михайло Евплов вздохнул на всю комнату.

– Мало они что-то это разумеют, в каждом пустяке только и ладят, что нельзя ли как отцу горло переест... – сказал он и еще грустнее склонил голову на сторону.

– Ну, Михайло Евплов! – вмешалась в разговор уж матушка. – Трудно тоже, как и тебя посудить? Старший сын у тебя охотой в солдаты пошел, второй спился да головой вершил, наконец, и с третьим то же выходит?

На последних словах она развела в недоумении руками.

Лицо Михайла Евплова сделалось окончательно умиленным.

– Ай, матушка, Авдотья Алексеевна! – воскликнул он почти плачущим голосом. – На все тоже божья власть есть: кто в детях находит утешение, а кто и печали... Вы сами имеете дитя: как знать, худ ли, хорош ли он супротив вас будет.

Матушка вспыхнула.

– Ну, мое дитя ты привел тут напрасно... совершенно напрасно! – сказала она и сердито понюхала табаку.

Михайло Евплов тоже сконфузился, видя, что, не думая и не желая того, он проврался.

– Это точно что-с... – проговорил он и переступил с ноги на ногу.

– Ежели ты опять то же будешь делать, опять тебе то же будет!.. – обратился покойный отец снова к парню, гораздо уже добрее, но все еще, видно, желая втолковать ему, что он виноват.

Парень пораспустился.

– Мне бы, бачка Филат Гаврилыч, в раздел охота идти-с! – произнес он каким-то необыкновенно наивным голосом.

Все мускулы в лице отца подернуло. Я видел, что он

страшно вспыхнул.

— Не позволят вам того! — больше прошипел он, чем проговорил, между тем как щеки и губы его дрожали. — Казенным крестьянам велят делиться? Велят? — спрашивал он, обращая на парня страшный взгляд.

Михайло Евплов грустно усмехнулся.

— Да прикажите, пускай попробуют... Мякины-то отродясь не едали, а тут, может, и отведают... Теперь какой-нибудь овинишко в двадцать снопов с своей благоверной измолотят, лопать-то придут, в чашку валят, сколько только чрево стерпит.

— Что ж ты их куском уж хлеба попрекаешь? — вмешалась в разговор опять матушка.

Михайло Евплов сейчас же переменял тон.

— Не попрекаю я, сударыня, нет-с! — отвечал он кротко. — Ни в чем им от меня запрету нет: ни в пище, ни в одежде, ни в гуляньях. Пусть скажут, в чем им, хоть сколько ни на есть, от меня возбранено.

— Ну да! В чем вам от него возбранено? — повторил за ним и отец.

Тимофей жалобно и стыдливо посмотрел на него.

— Не могу я, бачка, про то сказывать-с! — отвечал он и как-то странно засеменил руками.

— Отчего не сказывать? Говори! — сказал отец настойчиво.

Михайло Евплов как будто бы слегка вспыхнул.

— Выдумать да наболтать, пожалуй, всяких пустяков мож-

но... — произнес он.

Тимофей молчал.

Матушка на этом месте встала и вышла. Отцу тоже, видно, была не совсем легка эта сцена.

— Ну, ступайте! — сказал он, закидывая, по обыкновению, глаза в сторону.

Михайло Евплов, однако, не трогался. Он, кажется, пережидал, чтобы первый пошел сын. По лицу Тимки мне показалось, что он хотел что-то сказать, но не смел ли, или не хотел этого сделать, только круто повернулся и пошел.

— Вы уж, батюшка, сделайте милость, прикажите, чтоб и супружница его слушалась и не фыркала... — сказал Михайло Евплов.

— Чтоб и супружница слушалась, слышь! — повторил отец, грозя Тимке пальцем.

Но тот ничего не отвечал, и я слышал, что он сердито хлопнул в лакейской дверями.

Михайло Евплов постоял еще несколько времени, покачал в раздумье головой и проговорил:

— Такой этот нынче молодой народ стал, что срам только один с ним.

Но, видя, что отец ничего ему не отвечает, он тоже повернулся и пошел, — но залу стал проходить медленно, неторопливо и все точно к чему-то прислушиваясь.

II

Прошло времени недели с две. Мы ужинали. Отец (он все это время был заметно в дурном расположении духа и теперь кидающий то туда, то сюда свой беспокойный взгляд) вдруг побледнел и, проворно вставая, проговорил:

– Фомкино горит!

Мы взглянули по направлению его глаз: все наши окна были залиты заревом.

– Батюшка, может быть, это овин! – хотела было успокоить его матушка.

– Вся деревня, сударыня, в огне!.. Выдумала!.. Лошадь мне! – кричал старик, проворно сбрасывая с себя халат.

Матушка сама стала ему подавать одеваться: горничная прислуга вся уж разбежалась по избам, чтобы поразузнать и поохать насчет пожару. В залу вошел наш приказчик Кирьян, со своей обычной, не совсем умной и озабоченной рожей и теперь совсем опешивший от страху.

– В Фомкине несчастье-с! – проговорил он.

– Людей туда!.. Лошадь мне! – говорил батюшка, застегивая дрожащими руками свой полевой чепан.

Мне тоже захотелось съездить на пожар.

– Папаша, возьми меня! – запросился я.

– Перестань, пащенок! – прикрикнул было на меня старик.

Но я не отставал:

– Папаша, возьми!

– Ах ты!.. Ну, поезжай!

Он вообще любил несколько геройские с моей стороны выходки; но матушка напротив.

– Алексей, что ты хочешь со мной делать?.. Пощади ты меня хоть сколько-нибудь! – сказала она в одно и то же время строгим и умоляющим голосом.

Но я уже почти не слышал ее: выбежав на улицу и видя, что поваренок Гришка вел оседланную лошадь, я отнял ее у него и сейчас же на нее взгромоздился. Со стороны от Фомкина слышался наносимый ветром беспорядочный звон набатного колокола. Через несколько минут привели и отцу беговые дрожки. Точно молоденький мальчик, он проворно, хоть и тяжело, опустился на них. Человек шесть дворовых людей было около нас верхами. На крыльце появилась матушка.

– Возьмите неопалимую купину, что вы, на кого надеетесь? – сказала она.

Кириян подъехал к ней и, приняв у нее образ, положил его, перекрестясь, за пазуху. Пока мы съезжали со двора, матушка не переставала нас крестить вслед. Проехать нам надобно было версты две – три лесом. Ночь была осенняя, темная. Несмотря на колеи и рытвины, отец погнал свою лошадь что есть духу. Мы скакали за ним. По всем направлениям от нас раздавался топот наших лошадей и слышались шлепки летевшей из-под копыт их грязи. Рядом же с нами и нисколь-

ко не отставая, бежал вприпрыжку спешенный мною с лошади Гришка-поваренок и бежал, надобно сказать, сохраняя ужасно гордый вид, который был дан ему как бы от природы, вследствие покривленного в детстве позвоночного столба.

– Ату, ату его! – травил его кучер Петр, доставая в спину ветвиной.

– Это он на дымок бежит... поварская душонка: услышал, что гарью-то пахнет, – заметил ткач Семен.

По другую сторону дороги шел более солидный разговор.

– В сеннике у Евплова загорелось и пошло, братец ты мой, вить, боже ты мой! – говорил Кирьян.

– Ишь ты, поди, где греху-то быть! – отвечал ему на это басом и со вздохом другой голос.

Набат становился все слышнее и слышнее. Сколько ни печальное ожидало нас впереди зрелище, но при этом быстром скаканье на лошади, в глухую ночь, в лесу, при этом хлопанье воротец, которые кучер Петр на всем маху, не слезая с лошади, отворял и так же быстро отпускал их, мое детское сердце исполнилось какой-то злобной радостью: мне так и хотелось битв, опасностей и побед. При въезде в открытое поле первое, что представилось нам, – это стоявшая несколько поодаль от селения, на совершенно темном фоне, белая церковь, освещенная пожаром до малейших архитектурных подробностей и с блистающими красноватым светом главами и крестами. Пламя выходило почти из половины деревни и, склоняемое ветром, уже зализывало огромными языками

близстоящие к нему строения. Вверху над всем этим клубился сероватый дым, в котором летали чего-то огненные куски и кружились какие-то белые птицы. В самом селении перед пламенем мелькали черные фигуры мужиков и баб. Отовсюду слышался шум и гам, сливавшийся со звоном колокола. Сидевшие около вынесенных на середину улицы пожитков старухи и ребятишки выли и ревели. Выгнанная из хлевов скотина: коровы и лошади, – все столпились в кучку и, заметно под влиянием какого-то непонятного для них страха, прижались к церковной ограде, – одни только дуры-овцы, тоже скучившиеся в одно стадо и кинувшиеся было сначала прямо на огонь, но шугнутые оттуда двумя – тремя взвизгнувшими бабенками, неслись теперь далеко-далеко в поле. Перед сгоревшим почти уже вполовину домом Михайла Евплова была целая толпа людей, и они не унимали пожара, а на что-то такое друг через дружку заглядывали, и несколько голосов говорило: «Полно!.. Перестань!.. Старый!» Посреди всего этого раздавалось: «Пустите!.. Пустите!»

Мы быстро подъехали: это Михайло Евплов рвался из рук двух наших мужиков. Спокойной наружности в нем и следа не оставалось: он был в одной разорванной рубаше, босиком, с обезумевшими глазами и с опаленными, включенными волосами.

– Что такое? – спросил отец.

– В огонь рвется, сгореть хочет, – отвечал один из мужиков. – О дьявол, какой здоровый! – прибавил он, гробаздая

снова старика за ворот, который тот было у него вырвал.

– Оттащите его подальше, в лес, – приказал отец.

– Батюшка, пусти!.. Пусти!.. – кричал Михайло Евплов.

Но мужики его потащили. Сделав еще раз тщетное усилие вырваться у них, он завопил, как дикий зверь, и вцепился зубами в собственную руку – кровь фонтаном брызнула из-под его рта и усов. Мужики отвели ему эту руку назад за спину и продолжали его тащить.

– Батюшки! У Матрены Лукояновны уж загорелось! – раздался пронзительный женский голос.

Все бросились туда.

Покойный отец тоже проворно соскочил с дрожек и потом – уж я не знаю, как это и случилось при его полноте, – вдруг очутился на крыше этой самой избы.

– Снимайте кафтаны, мочите их и давайте сюда! – командовал он оттуда.

Первый бросился ему помогать самый бедный из всей деревни мужик Спиридон, по фамилии Кутузов. Собственная изба его давно уже сгорела, и он, кажется, из нее и вынести ничего не успел, но, несмотря на то, нисколько не потерявшись, начал он усерднейшим образом подавать воду, понукать и ругать других мужиков и особенно баб, что-нибудь не по его или непроворно делавших.

Кирьян между тем достал из-за пазухи неопалимую купину и, взяв ее на руки, как обыкновенно носят иконы, стал с нею обходить еще не загоревшуюся часть селения. Вдруг

пламя из косого направления приняло прямое, поколебалось несколько минут и снова склонилось, но уже в поле, в сторону, противоположную от деревни.

– Господи! Полямя-то на лес пошло!.. Царица небесная! – заголосили бабы.

Мужики только молча перекрестились. Отец, молодцевато и скрестивши руки, стоял на крыше. Я же и Кутузов, бог уж знает для чего, ухвативши – он с одного конца багром, а я с другого кочергой, – тащили горящее бревно. Оно, наконец, рухнуло и жестоко ударило одну бабу по боку, так что она кувыркнулась и не преминула нам объяснить: «Ой, дьяволы, лешие экие!» Бревно порядком задело и меня, так что я едва выцарапал из-под него ноги. Правая штанина у меня загорелась, и, только уж плюя на нее и обжегши все себе руки, я успел ее затушить. Все это видевший с крыши отец побледнел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.